

Метеорология петербургского лирического пейзажа

Одно из стихотворений А.С. Кушнера начинается так:

На петербургских старинных гравюрах
Снег не лежит на дворцах и скульптурах
И не идет никогда.
Вечнозеленые кроны густые
А на Неве — мотыльки кружевные
И голубая вода... (1).

Это незатейливое наблюдение фиксирует любопытную и, конечно, неслучайную особенность художественного мировидения, связанную с вниманием (или невниманием) к состоянию окружающей природной среды в мире художественного произведения и с путями ее выражения. Имеющая глубинные культурные корни, эта особенность, очевидно, исторична и может быть исследована на разном материале. В связи с этим представляется небезынтересным проследить, как и когда в петербургский текст входит погодно-метеорологический фактор.

Известно, что в современном культурном сознании он ощущается весьма значимой составляющей портрета Петербурга и на бытовом, и на художественном уровне. Вместе с тем замечание Кушнера об игнорировании этого фактора в «старинные» времена может быть отнесено не только к гравюрам, но и к искусству слова. Очевидно, нужно говорить о процессе постепенной актуализации этого фактора в культурно-эстетическом сознании нового времени. В лирике, самом суггестивном из родов литературы, этот процесс имеет собственную специфику, опирающуюся на феноменальность метеорологии в субъективно-человеческом ее восприятии.

Погодно-метеорологический фактор, как известно, включает в себя многообразные атмосферные проявления, причем главной чертой этого фактора является его принципиальная изменчивость. Хотя и коррелирующая с сезонным и суточным циклами, погода

всегда осмыслиется нами в преходящем, временном, в определенной степени непредсказуемом качестве в противовес, например, устойчивости климата.

Понятно, что пейзаж не может быть нейтральным, «никаким». Приметы того или иного природного состояния фиксируются художниками — в том числе, художниками слова — уже в пейзаже эпохи «старинных гравюр»: у В.К. Тредиаковского, Г.Р. Державина, М.Н. Муравьева, А.В. Измайлова и других поэтов допушкинского периода. Здесь упоминается «студен воздух», «прохлада» как неизменная черта городского пейзажа, из которого исключены даже сезонные трансформации. «Таврический сад» (1800) у Ал. Измайлова предстает как бы «вечнозеленым», там всегда шумит каскад и можно посидеть на зеленой траве.

«Исходный» петербургский пейзаж в поэзии XVIII – начала XIX в. характеризуется такими чертами, как:

- неизменность, статичность;
- отвлеченно-абстрактный, описательный способ подачи;
- идеально-возвышенный и комфортный для человека характер (летний).

Такого рода пейзаж явлен читателю как неотторжимая составная часть Петербурга — Северной столицы в ее идеализированном качестве: он устойчив, клиширован и условен. При этом в структуре художественных текстов он достаточно периферичен, играя в сюжетно-композиционной их организации лишь фоновую роль.

Несложно заметить, что эта ситуация во многом прямо противоположна той, которая складывается позже и оказывается особенно характерной для петербургского мифа второй половины XIX—XX вв. Отличительной чертой петербургского текста в это время становится его внутренняя напряженная противоречивость.

«Неестественный, искусственный, нарочитый город. Поэтому он весь соткан из противоречий и напряжений. Прежде всего — напряженного противостояния природной стихии и культурной среды. Но и в рамках каждой их них — напряженные противостояния... Природа Петербурга, с одной стороны — гнилая, темная, крошечная, сырая стихия. С другой — светла и возвышенна» (2), — таким представлен Петербург в отечественной литературе этого времени. В.Н. Топоров на ее материале выделяет два противостоящих друг другу пласта реалий:

«а) отрицательное — закат (зловещий), сумерки, туман, дым, пар, муть, зыбь, дождь, снег, пелена, сеть, сырость, слякоть, мокрота, холод, духота, мгла, мрак, ветер (резкий, неприятный), глубина, бездна, жара, вонь, грязь...; б) положительное — солнце, луч солнца, заря, река (широкая), Нева, взморье, острова, зелень, прохлада, свежесть, воздух (чистый), простор, пустынность, небо (чистое, голубое, высокое), широта, ветер (освежающий)...» (3).

Несложно заметить, что собственно погодно-метеорологические проявления концентрируются здесь в первой, «негативной» сфере.

На протяжении второй трети XIX в. в литературе формируется целостный образ петербургского пейзажа, который может быть охарактеризован следующими чертами:

- неустойчивость и противоречивость;
- чувственный характер подачи;
- постоянное присутствие негативного, «занижающего» акцента.

Иными словами, это пейзаж, инвертированный по отношению к исходному в главных его особенностях.

«Расподобление» новой пейзажно-метеорологической ситуации с исходной было отрефлексировано прежде всего в шутовой (смеховой) поэзии:

... в обширном Петрограде,
 На дождь и слякоть несмотря,
 Во всем величье на параде
 Мы видим нашего царя
 (М.В. Милонов «Послание в Вену к друзьям», 1818) (4).

Здесь существенно, что речь идет именно о смене образа, а не об утрате образного начала в результате элементарного сближения с бытовым знанием об окружающем мире. «Новый» петербургский пейзаж, также как и исходный, «идеальный», тоже далеко не во всем адекватен реальной действительности. Например, характерно, что при всем разнообразии проявлений водной стихии в «петербургской» литературе мы почти не встречаем *грозы*, *ливня* (совсем не редких для нашего города). Другой пример находим у того же Топорова, отмечающего явный гиперболизм в описаниях петербургского холода, жары, духоты — по сравнению хотя бы с московскими («хотя объективно в Москве летом температура заметно

выше, а зимой ниже, и соответственно число жарких и холодных дней значительно больше. Неудобства петербургского климата постоянно подчеркиваются в литературе» (5).

Так формируется своеобразный «метеорологический миф» Петербурга.

Собственно литературоведческий интерес в этой ситуации представляют фактические закономерности этого процесса мифологизации. Сравнительный анализ поэтики текстов позволяет выделить три его особенности.

Первая касается исторической поэтики «петербургской» литературы. Необходимой стадией протекания этого процесса (очевидно, необходимого для появления любого мифа) оказывается сюжетное обыгрывание «новой» метеорологии. Появляются тексты, в которых погодные проявления определяют характер конфликта и собственную событийную динамику произведения. Лирика, избегающая фабульной событийности в силу родовых своих качеств, активно вбирает в себя опыт других литературных родов: пушкинской «петербургской поэмы» «Медный всадник», гоголевской «Шинели» с ее «вечной» зимой, и др. Но и в пределах самой лирики апробируются возможности сюжетизации погоды, причем раньше, чем в эпических жанрах.

Характерным примером такого рода может служить стихотворение А.П. Буниной «Майская прогулка болящей» (1812). Мотив петербургской погоды возникает в нем лишь к концу стихотворения, но именно он оказывается «сюжеторазрешающим». Завязка — внутреннее состояние героини, находящейся во власти снедающего ее, гиперболизированного до крайности (и не поддающегося диагностике) недуга:

Ад в душе моей гнездится,
Этна сохшу грудь палит;
Жадный змий, виясь вокруг сердца,
Кровь кипучую сосет...

Симптомы поистине ужасающи и подчеркнута натуралистичны:

В огонь дыханье претворилось,
В острую стрелу каждый вздох;
Все глубоки вскрылись язвы, —
Боль их ум во мне мрачит...

Экспрессия усилена рядами риторических восклицаний, обращений к небу, солнцу; троекратное «тщетно!» и резюме «я не дочь природы сей» как будто завершают тему бессилия природы перед человеческой болезнью. Но именно тут возникает тема Петрополя — и включается погодный фактор:

Свежий ветер с Невы вдруг дунул:
 Побежим! Он прохладил.
 Дай мне челн, угрюмый кормчий!
 К ветрам в лик свой путь направь.
 Воды! Хлыньте дружно с моря!
 Вздуйтесь, синие бугры!
 Зыбь на зыби налегая,
 Захлестни отважный челн!
 Прохлади мне грудь иссохшу... и т. д. (6)

Таким образом, природа здесь обнаруживает свои животворные силы именно в своем непредсказуемо-изменчивом, метеорологическом качестве: героиню лечит неожиданное дуновение ветра.

В отношении к петербургской теме это нечастый вариант благотворного влияния капризов погоды. Нам, однако, важнее здесь сама художественная функция этого хода: благодаря «вдруг дунувшему» ветру, собственно, разрешается сюжет о «болящей».

Такого рода тексты, в которых метеорология Петербурга сюжетообразующая, играют принципиальную роль — но преходяще-историческую. Их немного, и далее петербургская погода в целом «возвращается» на роль фона.

Вторая особенность состоит в том, что о процессе этом можно и нужно говорить именно как о литературно-эстетическом: метеорологизация Петербурга служит в каждом данном случае художественным целям словесного образотворчества.

В качестве примера можно назвать здесь цикл Н.А. Некрасова «О погоде» (1859—1865), в котором раздробленный, многослойный социальный мир Петербурга обнаруживает свою целостность благодаря впаянности, впечатанности всех многообразных персонажей и их судеб в общее, подчеркнуто материализованное пространство петербургского *мороза, слякоти, дождя, ветра* и т. п. Самый характер чувственной, полисенсорной подачи темы погоды (с преобладанием осязательных ощущений — зябкости, сырости и пр.) здесь

способствует формированию единого, удивительно убедительного петербургского мира.

Значительно позже, и по-своему, писал об этом же эффекте слиянности И.Ф. Анненский («Петербург», 1910):

Желтый пар петербургской зимы,
Желтый снег, облипающий плиты...
Я не знаю, где *вы* и где *мы*,
Только знаю, что крепко мы слиты... (7).

Наконец, последнее. Сформировавшись на протяжении второй трети XIX в., метеорологический миф Петербурга уже к концу века начинает эксплуатироваться поэтами-лириками различным образом, в соответствии с их замыслами и художественной индивидуальностью. «Устоявшийся» погодно-метеорологический пейзаж изображается теперь как привычный, характерный, ожидаемый, органично присущий Петербургу: пейзаж-миф. В нем нет, как правило, развернутых описаний — их заменяет отсылка к общеизвестному:

...*Вновь* Исакий в облаченьи
Из литого серебра
(А.А. Ахматова) (8);

...*Привычной* грязью скрыты небеса
(Саша Черный) (9);

...И вот *опять* ползут косматые туманы
Из северных болот и сумрачных лесов
(Ап. Коринфский) (10);

...*Опять* на площади Дворцовой
Блестит колонна серебром
(Г.В. Иванов) (11) <Курсив мой. — Л.Л.>.

Однако при этом каждый поэт из общего (достаточно богатого) антуража уже привычных погодных ситуаций формирует свой «извод» петербургского погодного мифа. Он может быть описан на основе сквозного анализа мотивики того или иного поэта-лирика. Здесь же ограничимся несколькими сугубо выборочными примерами.

Петербург Н.Я. Агнивцева (12 стихотворений) практически весь — «туманный» (мотив тумана возникает 11 раз; ср.: *снег* — 1, *дым* — 1, *пурга* — 2).

Доминантами петербургского метеорологического пейзажа А.С. Кушнера (15 стихотворений) выступают *снег* и *ветер* (по 6 употреблений; ср.: *дождь* — 1, *солнце* — 1, *туман* — 3, *мгла* — 2, *холод* — 2, *прохлада* — 1, *сырость* — 3, *мороз* — 2, *сквозняк* — 1).

Наряду с этим, у И.А. Бродского (9 стихотворений) метеорологическая мотивика лишена выраженной доминанты, статистика равномерна — при заметном многообразии погодных проявлений (*мороз*, *туман*, *холод*, *изморозь*, *дождь*, *морось*, *мгла*, *слякоть* — по 1, *снег* — 4, *ветер* — 3).

Несомненно, в каждом случае эти особенности связаны со спецификой художественного мировидения каждого из поэтов, с особенностями его художественной системы. Но это требует уже внимательного фронтального анализа, что выходит за рамки данной работы, призванной не исчерпать тему, но обозначить ее и наметить пути дальнейшего изучения.

Примечания

В основу статьи положен доклад, прочитанный на международной научной конференции «Печать и слово Петербурга» (Санкт-Петербург, 2001).

1 Кушнер А.С. Избранное. СПб., 1997. С. 210.

2 Тульчинский Г.Л. Город — испытание // Метафизика Петербурга. СПб., 1993. С. 148, 149.

3 Топоров В.Н. Петербург и петербургский текст русской литературы // Метафизика Петербурга. СПб, 1993. С. 219.

4 Петербург в русской поэзии XVIII — первой четверти XX века. СПб., 2002. С. 94)

5 Топоров В.Н. Петербург и петербургский текст... С. 231.

6 Бунина А.П. Майская прогулка болящей, 1812 // Петербург в русской поэзии XVIII — первой четверти XX века. СПб., 2002. С. 70.

7 Петербург в русской поэзии... С. 302.

8 Там же. С. 418.

9 Там же. С. 362.

10 Там же. С. 301.

11 Там же. С. 433.